

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

LIBERAL MISSION FOUNDATION

Victor Sheynis

POWER AND LAW

POLITICS
AND CONSTITUTIONS
IN RUSSIA
IN XX–XXI CENTURIES

Moscow
2014

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Виктор Шейнис

ВЛАСТЬ И ЗАКОН
ПОЛИТИКА
И КОНСТИТУЦИИ
В РОССИИ В XX–XXI ВЕКАХ

·МЫСЛЬ·
Москва
2014

УДК 342(470+571)(091)
ББК 63.3(2)-3+67.400(2Рос)
Ш63

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Шейнис, Виктор Леонидович

**Ш63   Власть и закон : Политика и конституции в России в XX–XXI веках / Виктор Шейнис. – Москва : Мысль, 2014. – 1088 с.
ISBN 978-5-244-01169-2**

Конституционная история России насчитывает чуть более 100 лет и шесть конституций. Книга – о конституциях. О том историческом контексте, в котором они появлялись. И о том, что в России порядок социальной жизни всегда определяла власть, нередко порывая с ограничивавшим ее законом.

Как и почему лишь в XX веке самодержавная монархия пошла к конституционному строю? Чем была и чем могла стать «Конституция Николая II»? Почему не состоялась российская Конституанта – Учредительное собрание, избранное на первых в истории страны свободных выборах? Чем был советский конституционализм и как в четырех его конституциях отразились изменения коммунистического режима? В чем уроки конституционной истории России для сегодняшнего дня?

Главный сюжет книги – Конституция 1993 г. в проектах и в жизни. Автор, один из активных ее разработчиков, показывает, как трудно шли к ней и почему страна получила глубоко противоречивый документ. Почему власть, как и прежде, доминирует над правом. Чтобы реализовать демократический и правовой потенциал Конституции, необходима основательная реформа системы власти.

УДК 342(470+571)(091)
ББК 63.3(2)-3+67.400(2Рос)

ISBN 978-5-244-01169-2

© В.Л. Шейнис, 2014
© Фонд «Либеральная Миссия», 2014
© Мысль, 2014

Алле Назимовой –
другу, любимой, человеку
мудрому, сильному и мужественному,
главному в моей жизни

СОДЕРЖАНИЕ

Власть или закон? Предисловие	13
Пролог. У истоков российского конституционализма	27
Несостоявшийся почин	27
Уложенные комиссии и проект Сперанского	32
Конституционные проекты декабристов	38
Время перемен	45
Власть, земцы и террористы	48
Конституционные проекты российских либералов	60
Отступление царизма	70
Первая российская Конституция	80
Фальстарт российского парламентаризма	86
Часть 1. Советские конституции	97
Глава 1. Большевицкая власть и первая советская Конституция. 1918	97
От доктрины к революционной целесообразности	98
Иллюзии доктрины	98
Крушение Конституанты	100
Диктатура пролетариата на марше	109
Начало советского конституционализма	119
Подготовка Конституции	119
«Право власти, соединенное с правом войны»	121
Классовый подход	123
Гражданские права и право на бесправие	126
Организация власти	128

Унитарная федерация	131
Демократия или диктатура?	134
Глава 2. ОБРАЗОВАНИЕ СССР	
и его первая Конституция. 1922–1924	140
Метаморфозы партии	
и Советского государства	140
Мираж мировой революции	140
Переход к НЭПу.....	142
РКП(б): ленинское лекарство	149
Собирание земель	153
На пути к Конституции Союза	164
Конституция СССР 1924 г.....	171
Организация власти.....	172
Федеративное устройство.....	177
Глава 3. «Конституция победившего социализма». 1936.....	182
Перепаханное общество	182
Крестьянство: ликвидация класса	183
Советский рабочий класс	193
Социальная «прослойка».....	195
Другая страна	200
Слагаемые тоталитарного режима	203
Террор.....	204
Идеология	222
Партия	230
«Закон, по которому радость приходит»	244
Происхождение.....	244
Содержание	253
Резонанс	268
Глава 4. «Основной закон развитого социализма». 1977	275
Время Хрущева	277
Пересменка.....	289
Обманчивая стабилизация.....	294
Разложение режима, деградация власти.....	305
Спектакль	314
Последняя советская Конституция	321

Часть 2. Конституционные реформы**ВРЕМЕНИ ПЕРЕМЕН ..... 333****Глава 5. Перестройка****и конституционная реформа. 1985–1990 ..... 333**

Начало перестройки 334

Поиск стратегии реформ 335

Размежевание в верхах –
общество обретает голос ..... 345Политическая реформа и разложение
коммунистического режима 354

Зенит перестройки 354

XIX партконференция и общественный подъем 358

Реформа Конституции и избирательной системы 363

Выборы-1989 372

Первый Съезд народных депутатов СССР 377

Конституционные проекты

Сахарова и Солженицына 381

Сахаров: Конституция для союзного государства 382

Солженицын: обустроить – Россию 391

Российский фактор вторгается в политику Союза 402

Заключительные превращения

союзной Конституции 413

Конституция перестройки: вторая редакция 413

Последняя ревизия Конституции СССР 428

Глава 6. Конец союзной Конституции**и распад СССР. 1990–1991 ..... 440**

Кризис перестройки 440

Экономическая реформа: несостоявшийся выбор 442

Советская империя: что дальше? 450

Обновление или распад Союза? 456

Ново-Огарево и вокруг него 461

Союзный договор: июльский вариант 466

Путч 476

Почему они проиграли 479

Последствия 483

Агония Советского Союза 491

Приговор союзному парламенту 491

Шанс экономического договора	502
Трапеза победителей: становление новой власти.....	508
Международный контекст	516
Вискули против Ново-Огарева	519
Ново-Огарево и Союзный договор:	
ноябрьский вариант.....	519
Вискули и дальше.....	528
Приложение. На пути к распаду СССР (от проектов Союзного договора к Соглашению о создании СНГ).....	537
Глава 7. Россия после Августа: сражения за власть и превратности конституционного процесса. 1992–1993	546
Российская политика на переломе	546
Удар рыночных реформ	548
Перегруппировка политических сил	558
VI Съезд российских депутатов: первая схватка	562
Пристрелка.....	562
Проба сил	570
VII Съезд российских депутатов:	
испытание шоком.....	579
Предсъездовские диспозиции	579
Война объявлена и... остановлена.....	586
Предпоследний референдум: за и против	598
Компромисс рушится	598
VIII Съезд: последняя развилка.....	609
Удар мимо цели	615
Последний Съезд российских депутатов	621
Исход референдума.....	629
Развязка кризиса	638
Время «артподготовки».....	638
«Десятый Съезд» против указа № 1400	649
Финал	665
Часть 3. Конституция 1993 г. в проектах и в действии.....	681
Глава 8. Конституция 1993 г. Путь и итог. 1990–1993	681
Первый конституционный проект:	
главные узлы противоречий	681
На старте	681

Россия в Союзе ССР	684
Права человека и гражданское общество	687
Проблемы федерализма	693
Организация федеральной власти	696
Сопrotивление материала	701
Движение по окольному пути	707
Выбор на развилке	707
Расставание с Союзом ССР	710
Проблемы собственности	713
Конституционный прорыв: права человека	718
Конституционная или договорная Федерация?	720
Учреждение президентства в России	727
Третья власть	736
Реорганизация власти: региональный и местный уровни	738
Съезд против президента	741
Промежуточные итоги	747
Трансформации конституционного проекта	753
Бег на месте	753
Альтернативные проекты	761
VI и VII съезды: танцы на конституционном поле	771
Узел затягивается	776
Был ли вариант компромисса?	781
На последнем перегоне	789
«Президентский» проект	789
Конституционное совещание	798
Июльский вариант	813
Заключительные превращения конституционного проекта	824
Итог	838
Глава 9. Конституция 1993 г. в российской политико-правовой системе. 1993–2013	847
Идут иные времена	847
Превращения постсоветской системы	847
Матрица общества: парламентские и президентские выборы	852

Матрица власти: президент – парламент	867
Конец эпохи Ельцина	881
Дискуссии и проекты	
конституционной реформы в 1990-х годах	891
Начало дискуссии	891
Проект «Яблока»	897
Проект Фонда ИНДЕМ	904
Проект СВОП – Примакова	914
Конституционные поправки	
в первой и второй Думах	921
От 1990-х к нулевым: смена вектора	928
Визитная карточка второго президента	932
Смена элит	934
Силовой фактор в политике	941
Конституционный строй	
и реконструкция политической системы	954
Шаги политической контрреформы	954
Деволюция избирательной системы	963
Контрреформа судебной системы	974
Хождение по кругу	981
Приход третьего президента	981
«Линия Медведева»	988
Смена курса	998
Конституция: что дальше?	1010
Возвращение дискуссии	1010
Новые времена, новые проекты	1014
Эпилог. И снова перед выбором	1025
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	1044
ПЕРЕЧЕНЬ ТАБЛИЦ	1047
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	1048
SUMMARY	1066
CONTENTS	1077

ВЛАСТЬ ИЛИ ЗАКОН? ПРЕДИСЛОВИЕ

Правление в России есть самодержавие,
ограниченное удавкой.

*Жермена де Сталь в переложении
А.С. Пушкина*

Переход политического кризиса в России в острую фазу в 2011–2013 гг. вновь выдвинул на одно из центральных мест в общественной дискуссии проблему конституционной реформы. Вопрос о правовых рамках развития общества и государства — стратегический, утверждают ведущие политологи, «распределение властных полномочий в ельцинской Конституции — это юридическая гарантия ельцинского единовластия... Сегодня реформировать забетонировавшую себя систему без изменений ее несущей конструкции — Основного Закона — невозможно!»¹ А раз так, чем скорее и определеннее переход к новой Конституции будет поставлен силами протеста в порядок дня, программно зафиксирован как цель в политической борьбе, тем вернее наше общество возьмется за решение громоздящихся перед ним проблем. Появились проекты новой Конституции разного содержания и качества. Число их, вероятно, будет увеличиваться, споры — разгораться.

Конечно, то, что регенерация авторитарного режима осуществлялась при Конституции 1993 г. и в известной мере благодаря ей, факт бесспорный. Не вызывает сомнений и то, что структура и распределение государственной власти, как они закреплены конституционно, ущербны. Зададимся, однако, рядом принципиальных вопросов, без ответа на которые невозможны

---

¹ Такова точка зрения И. Клямкина, М. Краснова, Л. Шевцовой. См.: Новая газета. 2012. 11 янв., 18 июня. URL: <http://www.liberal.ru/anos/5507>

ни теоретическое осмысление проблемы, ни рациональные политические действия.

Конституция 1993 г. — шестая в истории России (или даже седьмая, если признать, что изменения, внесенные в последнюю советскую Конституцию при Горбачеве дали, по сути, новый документ). Какое место она занимает в российском конституционном процессе, в котором были не только учрежденные конституции, но и разного рода нереализованные проекты и другие попытки законодательного оформления основ государственного устройства? Иными словами, как в течение примерно двух веков шла Россия к Конституции и что и почему из этого получалось?

Другой вопрос: почему на волне демократической, анти тоталитарной революции, по инициативе, при поддержке и с одобрения подавляющего большинства политиков, которые исповедовали демократические убеждения, была принята именно такая, а не какая-либо иная Конституция — с более сбалансированной системой власти?

Далее, Конституция ли наша — или какие-то другие элементы утвердившейся ныне политической системы — основной бастион, защищающий политическую монополию наследников Ельцина? Конституция ли в первую очередь или сложившаяся система власти, незаконная или даже противозаконная, блокирует выход из тупика к правовому государству?

И наконец, какую ориентацию — с учетом исторического опыта — могут избрать в конституционных вопросах и, вероятнее всего, выберут либеральные и демократические силы (не забудем: лишь одна из составляющих антивластной оппозиции)?

Вот основные вопросы, которые стояли перед автором этой книги. Волею обстоятельств я был самым непосредственным образом вовлечен в работу по созданию Конституции 1993 г. Старт и крутые повороты, достижения и провалы, спорный финал, которым завершился конституционный процесс 1990—1993 гг., — все это прошло через мою жизнь тех лет — депутата, члена Конституционной комиссии и Верховного Совета, координатора одной из секций Конституционного совещания. Взгляд на события изнутри, но уже с дистанции в несколько лет я попытался представить в книге, в которой конституционному процессу отведено около десятка глав и сотни страниц¹. Я не отказываюсь ни от одного на-

---

¹ См.: Шейнис В. Взлет и падение парламента : Переломные годы в российской политике (1985—1993). М., 2005. Т. 1. [Гл. 4, 6]. Т. 2. [Гл. 14, 16, 20, 21, 23, 24].

писанного тогда слова. Но с выхода книги прошло еще несколько лет. Период нашей истории, в начале которого рождалась Конституция 1993 г., видимо, подошел к концу, и многое, что тогда входило в российскую политику, теперь предстало в ином виде. Осмысление прошедших событий с более удаленной точки потребовало известного смещения акцентов.

Большая часть настоящей книги посвящена конституционному процессу в годы перестройки и постперестройки. Но в соответствии с ее замыслом понадобилось раздвинуть хронологию изложения, поставить рассказ о событиях, в которых мне довелось принять участие, в исторический контекст всего российского конституционного процесса. Это 100 лет (или даже 200, если включить проекты, доведенные до значимого уровня разработки). Здесь, помимо исторических документов и мемуарной литературы, я мог в первую очередь опереться на труд А.Н. Медушевского — наиболее полное философско-правоведческое исследование российского конституционализма в сравнительной исторической перспективе и межстрановом сопоставлении¹. Его научная и общественная позиция мне близка, и главные выводы я разделяю. Но ракурс моего исследования иной: *власть и закон*.

Главный вывод, к которому я прихожу в итоге, можно сформулировать следующим образом. Предельная зависимость каждой Конституции от текущей политической и идеологической конъюнктуры и высокая независимость политической системы России и СССР от юридических установлений, независимость властей предрержащих от норм провозглашенной Конституции — таков инвариант российского конституционализма на протяжении всей его истории. В континууме власть (политическая система) — закон (Конституция) первичным и определяющим всегда была власть. Исходя из разных соображений, под давлением или по произвольному выбору власть вводила или изменяла Конституцию. Но никогда ни одна Конституция не сдерживала власть, когда та действовала в нарушение конституционных норм. Отдельные исключения были кратковременны, ситуативны и не меняли сложившейся десятилетиями практики. Поэтому и конституции, как правило, были искаженным отображением политической системы. Главным их назначением, как бы ни менялись их создатели (а подчас вне их намерений), было пред-

---

¹ См.: Медушевский А. Демократия и авторитаризм : Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.

ставлять своим гражданам, городу и миру политическую систему в виде, не совпадающем с реальностью, а нередко и не имевшим с нею ничего общего.

Доминирование государства, властных институтов над человеком в России существовало задолго до всех конституционных проектов. Исследователи, начиная с В. Ключевского («государство пухло, и народ хирел»¹), изыскивали различные объяснительные формулы: слияние власти и собственности как отличительная черта «русской системы» (Ю. Пивоваров и А. Фурсов)²; русская история начиная с Ивана III как смена эпох реформы и контрреформы (А. Янов)³; циклы российской истории как чередование периодов государственного успеха и расширения свободы (Н. Розов)⁴; волнообразный характер модернизационных процессов в России (В. Пантин)⁵; четыре большие эпохи в истории России начиная с Киевской Руси, различающиеся утверждением разных государственных идеалов и исчерпанием потенциала каждого из них (А. Ахиезер, И. Клямкин, И. Яковенко)⁶.

Не вдаваясь в обсуждение проблем, далеко выходящих за рамки данной работы, обозначу лишь общую позицию. Я не принадлежу к числу тех, кто убежден в неодолимости «колеи», в которой движется наша история, невозможности восхождения на «перевал» (если оперировать образами Н. Розова⁷), неизбывной зависимости исторического будущего страны от пройденного

---

¹ См.: Ключевский В. Курс русской истории. Ч. 3 // Сочинения. Т. III. М., 1957. С. 12. «Народные силы, — утверждал Ключевский, — в своем развитии отставали от задач, становившихся перед государством вследствие его ускоренного внешнего роста, духовная работа народа не поспевала за материальной деятельностью государства».

² См.: Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и Реформы // Pro et Contra. 1999. № 4; Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М., 2004.

³ См.: Янов А. Россия: у истоков трагедии : 1402—1584. М., 2001; Он же. Загадка николаевской России : 1825—1855. М., 2007; Он же. Драма патриотизма в России : 1855—1921. М., 2009.

⁴ См.: Розов Н. Колея и перевал : Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011.

⁵ См.: Пантин В. Волны и циклы социального развития. М., 2004. [Гл. 4].

⁶ См.: Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2005 и 2008. Идеологически, подчеркивают авторы, книга направлена «против... понимания “государственности” как реанимации авторитарной политической традиции» (с. 15, в изд. 2008 г. — с. 11).

⁷ См.: Розов Н. Колея и перевал. С. 621—625.

пути – path dependency. В конечном счете это вопрос веры, и мне комфортнее исходить из оптимистической гипотезы.

Самое значительное и интересное в нашей конституционной истории, на мой взгляд, – это выдающиеся попытки преодолеть перевал, ввести либеральную (а затем и демократическую) Конституцию. Вершина этого процесса в дореволюционной России – конституционные концепции и проекты русских либералов, земское движение и оформление политической партии русских конституционалистов в конце XIX – начале XX века. Эта часть нашей истории ничуть не менее значима, чем вереница монструозных губернаторов в городе Глупове, в которой Щедрин представил лики самодержавной власти. Конечно, нельзя отвлечься от ограниченности результатов этого движения и его провала после 1917 г. Но в свете альтернативной, а не детерминированной концепции исторического процесса не осуществившиеся или лишь частично осуществившиеся события по-своему поучительны и заслуживают специального внимания.

Реакционная старорусская бюрократия и недалекие самодержцы в переходе к конституционному строю вполне обоснованно видели угрозу своему положению, основаниям «русской власти» и противились этому как могли. Но под ударами первой русской революции страна обрела первую в своей истории Конституцию, поименованную Основными законами Российской империи от апреля 1906 г. Медушевский относит этот документ к категории мнимого конституционализма и в своей классификации помещает его между абсолютизмом и правовым государством. В том числе – конституционной монархией, от которой его отличает «реальный механизм власти и управления, позволяющий монарху осуществлять всю полноту власти и управления вне системы социального контроля (или при минимальном и формальном контроле)»¹. К содержанию «Конституции Николая II» мы обратимся ниже. Здесь же следует подчеркнуть, что она представляла собой сдвиг в государственном устройстве России, вполне сопоставимый с Великими реформами Александра II, – при очевидном различии масштабов личности деда и внука. Перетягивание каната после октроирования Основных законов 1906 г. между российским обществом и бюрократией продолжалось, и царь всерьез подумывал, как бы забрать раздра-

---

¹ Медушевский А. Демократия и авторитаризм. С. 201.

жавшие его уступки. Но в первой русской Конституции, в деятельности учрежденной в соответствии с нею Думы содержалась интенция продвижения к конституционной монархии, замещения мнимой конструкции действенно работающей, движения по пути, которые проделали страны, ранее России принявшие аналогичные законы. Внеконституционный механизм власти оставался важнейшим фактором политической системы, но монопольное положение он утратил.

А вслед за тем наступил глубокий провал, растянувшийся на большую часть XX века. Этот век – во всяком случае, в конституционном развитии – Россия практически потеряла. Советский конституционализм Медушевский определяет как номинальный. В нем мнимый, или псевдо-, конституционализм приобрел завершённую форму. Разрыв между реалиями коммунистической диктатуры и писаными конституциями был доведен до предела¹. К этому следует добавить, что хотя определение «советский» прочно приклеилось к этой ложной разновидности конституционализма, оно столь же фальшиво, как и провозглашенные большевиками свободы. Советы как форма власти просуществовали, да и то в урезанном виде, в лучшем случае несколько месяцев и нигде исторически себя не оправдали. Сначала они стали орудием подрыва власти Временного правительства, и без того все более терявшего легитимность. После большевистского переворота, совершенного от имени Советов и получившего поддержку зыбкого большинства в них, они временно заимели некую толику власти в центре и ряде областей России. А летом 1918 года, после изгнания левых эсеров, замещения Советов комбедами в деревне, распада коалиционного правительства, развертывания гражданской войны и т.д. Советы, едва успев на своем съезде одобрить первую Конституцию, поименованную советской, были раз и навсегда удалены с исторической сцены как органы власти.

Сменявшим друг друга советским конституциям посвящены несколько глав в книге. Они отличались не только номинальной, но и агрессивно воинствующей заостренностью, противопоставлением «буржуазному» праву. Россия (а затем и СССР) была выведена из мейнстрима конституционного развития европейской цивилизации с его приоритетом права по отношению

---

¹ См.: Медушевский А. Демократия и авторитаризм. С. 483.

к государству и договорным балансом разных интересов, существующих в обществе. Советская концепция оспаривала абсолютный, общечеловеческий характер нравственных критериев («мораль — классовая»). Право в ней — часть, притом не главная, политической надстройки, «возведенная в закон воля господствующего класса». Оно создается и реализуется государством, Все советские конституции были настолько эластичны, что позволяли государству по ходу дела, даже не прибегая к изменениям их текста, существенно менять правила игры и широко использовать внеправовые средства для достижения своих целей. Конституция, составленная таким образом, утверждает известный юрист С.С. Алексеев, один из создателей Конституции 1993 г., «превращается в подсобный институт политики, а то и в разменную политическую монету, в широковещательный лозунг, формальный принцип, с которым — как только “это потребуется” — можно и не считаться... Советское право останется в истории как некий правовой уродец — лживый, нежизнеспособный, утративший истинное предназначение права и используемый в партийно-узкокорыстных, несправедливых целях»¹.

Анализировать советские конституции вне того политического контекста, в котором они принимались, который они прикрывали и оставляли за кадром, бессмысленно. Как можно, в частности, обсуждать конституционные формулы 1918 г. в отрыве, скажем, от террора устрашения, распространившегося далеко не только на «эксплуататоров»? Федерализм 1924 г. — от осуществленного железным кулаком собирания земель Российской империи? Права, дарованные в 1936 г., — от «большого террора» 1937–1938 гг.? Велеречивый текст 1977 г. — от подавления свободной мысли и слова, бесстыдного государственного антисемитизма и поддержки международного терроризма? Политическая власть, всегда опиравшаяся на экстралегальное насилие, и по времени, и по смыслу, и по роли в жизни общества всегда предшествовала конституционному оформлению режима. Сами конституции никогда в прошлом (да и поныне) ничего не сдерживали и ничего не усиливали. Они были лишь отражением — иногда более, иногда менее искаженным — сущности режима.

---

¹ Алексеев С. Самое святое, что есть у Бога на земле : Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 13; Он же. Теория права. М., 1995. С. 299.

Что же касается реальной политической системы, то основным (хотя и не исключительным) инструментом ее утверждения и самосохранения был террор. Террору, массовому или избирательному, каннибальскому или изощренному, открыто провозглашенному или лицемерно прикрытому, террору политическому и идеологическому на всех этапах принадлежала коронная роль. Со временем, однако, механизм утверждения диктатуры в собственной стране и ее распространение вовне становился более сложным, его инструментарий обогащался.

Подобно тому как, по замечанию Энгельса, после поражения первой европейской буржуазной революции — крестьянской войны в Германии в XVI веке — наступило второе издание крепостничества¹, так и с укреплением большевистского режима в России крепостные порядки, отмененные было реформой 1861 г., вернулись в деревню в виде колхозов и крепостное право в разнообразных формах было распространено на все остальное население страны. Большевистский режим тиражировал советского человека, опутанного сетями зависимости от государства, в массовом масштабе и оставил после себя, как в сказке Евгения Шварца, дракона в душах людей — мощный авторитарный синдром, плод успешного промывания мозгов трем поколениям, выросшим в условиях тоталитарного режима.

В годы перестройки, когда под тяжестью накопившихся противоречий сначала стала эрозировать, а затем рухнула политическая система большевизма, на свободу вышел человек, никогда не живший при демократии, лишенный серьезного знания о своей стране и мире. В его подсознании — наложившиеся друг на друга пласты исторической памяти, из которой вытравлялись такие ценности, как независимость и борьба за свободу. Такова обратная сторона, или, точнее, глубинная основа, «русской власти». Правда, манкуртизация никогда не распространялась на все общество.

Когда в такой стране к власти пришли новые руководители, объявившие перестройку, никто еще не знал, в том числе и они сами, как далеко зайдет дело. Но сигнал был воспринят и произошло то, от чего режим десятки лет себя тщательно оберегал. В политику пришли не китайские болванчики, а люди, имевшие собственные (хотя довольно туманные) представления о том, что

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : 2-е изд. М., 1960. Т. 19. С. 340–342; Т. 21. С. 248–252; Т. 32. С. 105.

надо делать, чтобы вывести страну из тупика, в который загнала ее коммунистическая власть. Демократическая интеллигенция: писатели и журналисты, вынужденные эзоповскими методами обходить цензуру, известные ученые и молодые «завлабы», сочинявшие закрытые записки для инстанций и получавшие за них тумачи, вузовские преподаватели, вопреки идеологическому контролю доносившие до студентов реальное знание, диссиденты — сидельцы и пошедшие в сторожа и кочегары, — все это сообщество людей, поднявшееся вопреки законам системы, вместе с немногими выходцами из коридоров власти составили актив демократических преобразований.

Они (мы) были политически наивны: когда на глазах стали рушиться устои, вчера еще казавшиеся незыблемыми, вообразили, что СССР (Россия) вступил в полосу демократического транзита. Опыт других стран и теоретические построения авторитетных зарубежных ученых, обобщивших этот опыт, укрепляли в таком убеждении. Все оказалось намного сложнее. Страна выходила из коммунизма, но одновременно возвращалась на исторические круги своя. Со временем, после бурных событий антибольшевистской революции стала воссоздаваться в основе своей до боли знакомая политическая система. У власти шаг за шагом утверждались когорты ново-старой бюрократии. Была принята Конституция, в которой нарушен баланс властных полномочий и тем самым заложены предпосылки искажения и нарушения прав и свобод, никогда дотоле столь полно и определенно не включавшиеся в конституционный текст.

Почему так получилось — мое представление об этом изложено в заключительных главах книги. Переход к демократической ротации власти по образцу стран Восточной Европы осуществить не удалось. На то были серьезные причины. Едва ли не главная из них — уж очень неприглядна была альтернатива, вырисовывавшаяся в те переломные годы, а именно угроза иной властной монополии, еще худшей, чем та, от которой мы уходили, и даже та, полагаю, к которой в итоге пришли. Так, во всяком случае, в глазах подавляющего большинства демократов того времени выглядела бы победа гэкачепистов в 1991 г., национал-державников, сплотившихся вокруг Верховного Совета, — в 1993 г., и национал-коммунистического блока — на выборах 1996 г. Верна ли такая оценка — вопрос дискуссионный. Но конституционалисты того времени были озабочены не тем, чтобы удовлетворить властолюбие доставшегося им лидера, как

представляет дело один из распространенных мифов. В сильной президентской власти они видели единственный действенный инструмент, способный защитить Россию от распада и сохранить демократические завоевания перестройки. Но воскресили, вопреки собственным представлениям и устремлениям, структуру власти, во многом сходную с Основными законами начала века. Круг замкнулся. Только с той разницей, что тогда Конституция была пусть неуверенным, но шагом вперед, а теперь возвращала правовую систему назад — и по отношению к замаху демократической революции рубежа 1980—1990-х годов, и по европейскому календарю.

Под покровом Конституции 1993 г. происходила реставрация авторитаризма. Не следует, однако, преувеличивать в этом смысле значение Основного Закона. В политической системе, как всегда было в России, ему принадлежит второстепенная, служебная роль. Чтобы уяснить это, достаточно сопоставить три отличавшиеся друг от друга властные конструкции, лучше или хуже помещавшиеся в рамки одной и той же Конституции. Режим Ельцина, при котором еще функционировали противовесы президентской власти — в Думе, в судебно-прокурорской системе, в СМИ. Вертикаль «управляемой демократии» Владимира Путина. Время тандема, в котором реальная власть находилась не там, где ей надлежало быть конституционно, номинальный носитель этой власти не смог бы воспользоваться ею по собственному усмотрению, даже если бы захотел, так как со всех сторон был обставлен неконституционными, но весьма действенными механизмами власти реальной.

Все это определяет значение, возможности и перспективы конституционной реформы. При существующих условиях власть, располагающая послушным парламентом, судами, законодательными собраниями регионов, контролирующая СМИ, могла бы сделать с Конституцией почти все, что захотела бы — хоть пересмотрев ее в целом, хоть занявшись отдельными поправками. Какими они могут быть, нам дали понять поправки, впервые внесенные в нее в 2008 г. Главная из них — удлинение срока президентских полномочий в полтора раза. Тем самым была серьезно ослаблена даже теоретическая возможность избирателей влиять на институт, в котором сосредоточены основные рычаги власти. Для сравнения: первая поправка к американской Конституции, гарантирующая свободу совести, слова, печати, собраний, петиций, открывается словами: «Конгресс не должен издавать ни

одного закона, относящегося к...». Более 200 лет тому назад был сформулирован фундаментальный принцип конституционного регулирования – ограничение власти. Не расширение, не «уточнение» прав и возможностей властных институтов, а их ограничение – так видится магистраль демократической конституционной реформы. Но к ней надо еще подойти.

Силам оппозиции предлагают внести в их программы реформу Конституции как приоритет. Но ведь даже в либерально-демократическом сообществе пока не выработано согласие относительно того, чем заменить «самовластие» президента. Вообще упразднить этот пост? Сделать президента номинальной фигурой в парламентской республике? Передать часть полномочий иным государственным институтам в каком-то варианте полупрезидентского строя? Покуда в том нет согласия в достаточно широких слоях общества, удовлетворительная конституционная реформа не имеет серьезной перспективы – достаточно напомнить опыт начала 1990-х годов. Ведь не удалось утвердить Конституцию ни на союзном, ни на российском съездах.

Иметь убедительный проект конституционной реформы важно, но это лишь половина дела или менее того. Наивно рассчитывать, что изменение закона само по себе исправит политическую систему. К этому должно подвести изменение в соотношении общественно-политических сил. Власть, не имеющая реальных противовесов в обществе, независимая от него, может сочинить и приспособить к своим интересам почти любой конституционный текст или будет действовать в обход Конституции. Власть изменится тогда, когда общество ей это предпишет и заставит.

* * *

Теперь пришла пора исполнить приятный долг – назвать имена тех, чье внимание, помощь и дружба неоценимы были для автора также и при работе над этой книгой. Не буду упоминать здесь их публикации. Знакомство с ними позволило во многом по-новому взглянуть на политическую историю России двух последних столетий. Мнения моих коллег были важны для меня и тогда, когда я рад был солидаризоваться с ними, и тогда, когда, вступая в полемику, я искал новые аргументы в защиту собственной точки зрения. Ссылки на их работы читатель встретит в книге. Здесь же мне хотелось бы сказать о другом.

В 2008–2013 гг., когда шла работа над этой книгой, я жил в живой атмосфере дискуссий по актуальным вопросам нашей истории, политики, права. Можно сказать, что вся работа шла в режиме постоянного диалога. В Москве существует немало центров, где проходят конференции, семинары, круглые столы. Это не только незаменимая для исследователя научная среда, но и очаги интеллектуальной жизни столицы. Назову здесь те, что особенно близки мне и по областям знания, и по общественной позиции.

Прежде всего это Институт мировой экономики и международных отношений РАН, в котором я работаю, страшно вспомнить, уже четвертый десяток лет (правда, с перерывом на 10 лет, когда я был депутатом, но и тогда принадлежал, хотя и неформально, к его коллективу). Теперь мои близкие коллеги и товарищи, кого в первую очередь хотел бы поблагодарить за внимание и поддержку, – Никита Загладин, Владимир Лапкин, Илья Левин, Георгий Мирский, Владимир Пантин, Сергей Перегудов, Ирина Семененко, Кирилл Холодковский... В микроколлективе, в котором мы трудимся, неизменно выдерживаются строгие академические критерии и царит комфортная человеческая атмосфера.

Для меня по роду занятий и в особенности при работе над данной книгой в высшей степени ценно междисциплинарное общение со специалистами в разных областях гуманитарного знания. В этой связи особое место занимают встречи, которые с потрясающей регулярностью проводит фонд «Либеральная Миссия». Его руководители – известные ученые и активные участники демократических политических процессов в переломные годы нашей истории Евгений Ясин и Игорь Клямкин. В поле зрения Фонда все сколько-нибудь заметные события общественной жизни, а их обсуждения проходят в высшей степени плодотворно, на высоком профессиональном уровне и, что особенно ценно, в сопоставлении разных подходов.

Другим таким центром притяжения стал Горбачев-Фонд, где остро и нелицеприятно обсуждаются вопросы нашей недавней истории и политики. Мне дорого внимание и доброе расположение Михаила Сергеевича Горбачева. Ведь сама возможность нестесненной научной дискуссии – несмотря на политическую реставрацию – возникла благодаря перестройке Горбачева, не говоря уж о всех других ее благих результатах. Давние отношения связывают меня с фондом ИНДЕМ и моими добрыми товари-

щами Георгием Сатаровым и Михаилом Красновым. С Московским центром Карнеги, где я рад встречать моего давнего друга Лилию Шевцову, Николая Петрова, Андрея Рябова. С «Мемориалом», который возглавляет Сергей Ковалев. С ним мы постоянно сверяем позиции и ведем долгие дружеские споры. Я горжусь отношениями, которые связывают нас многие годы. С Левада-Центром, который в непростых условиях отражает атаки мародеров и взломщиков и достойно продолжает традицию, заложенную его создателем, моим другом Юрием Левадой, с близкими мне интеллектуально и по-человечески Львом Гудковым, Борисом Дубиним. С семинаром «Полития», которым много лет умело руководит Святослав Каспэ. С Аркадием Любаревым, Лилией Шибановой и другими из ассоциации «Голос», над которой подвесили кривую саблю репрессивного закона об «иностранных агентах». Здесь в противовес фальшаку избирательного законодательства, прокрученного в Думе, создан честный и современный проект Избирательного кодекса.

Не порываются связи и с «конституционалистами», моими коллегами по работе в Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РСФСР – РФ: Леонидом Волковым, Олегом Румянцевым, Борисом Страшуним, Вилем Кикотем и другими. С политософскими встречами, которые с неиссякаемой выдумкой готовит и проводит Геннадий Бурбулис.

Наша работа в Конституционной комиссии по инициативе О. Румянцева недавно получила продолжение. Созданный и возглавляемый им Фонд конституционной реформы на достойном научном уровне подготовил и выпустил в свет издание «Из истории создания Конституции Российской Федерации» в 10 книгах, содержащее сотни позабытых и труднодоступных документов, аналитические материалы и воспоминания участников. Это неоценимый источник для всех исследователей конституционного процесса¹.

На политическом поле я «яблочник», член партии «Яблоко» с момента ее создания. Это едва ли не единственная в России интеллигентная партия, в сфере глубоких интересов которой не только политические, но и серьезные теоретические вопросы. Среди тех, кто был особенно близок мне профессионально, с кем

---

¹ См.: Из истории создания Конституции Российской Федерации : Конституционная комиссия : Стенограммы. Материалы. Документы (1990–1993 гг.) : в 6 т., 10 кн. М., 2007–2010.

я соглашался и спорил по историческим и политическим сюжетам, прежде всего назову Михаила Амосова, Алексея Арбатова, Бориса Вишневского, Бориса Мисника, Сергея Митрохина, Григория Явлинского.

Должен сказать здесь также о некоторых историках, политологах и культурологах, которые как бы незримо стояли за мною, когда создавалась эта книга. Это мои давние и близкие друзья Татьяна Ворожейкина и Игорь Долуцкий, автор уникального учебного курса по истории России и методики его преподнесения. Оригинальный курс его воплощен в книгах, заслуживших завидную оценку — неодобрение высочайшего лица в нашем государстве. Это Алексей Кара-Мурза, настойчиво восстанавливающий память о русских либералах, ученых и политиках, явивших несостоявшуюся, к нашей общей беде, альтернативу на развилке исторического пути России. Это Гавриил Попов, не профессиональный историк, но концептуалист, мастер парадоксальных логических конструкций, нетривиального взгляда на привычное. Он заявил себя серией работ по русской истории, которые колеблют стереотипы и возбуждают споры. Это Александр Ахиезер, Игорь Клямкин и Игорь Яковенко, чья выдающаяся концепция истории России «от Рюрика до наших дней» еще ждет настоящей дискуссии и своего признания. Это безвременно ушедший Дмитрий Фурман, умевший острее, глубже и точнее многих оценивать события нашей быстротекущей политической жизни. Это конституционалист Андрей Медушевский, ученый по призванию, автор глубоких исторических исследований, авторитетный участник многих дискуссий.

Для меня, в прошлом ленинградца, это моя Москва.

И под конец самое главное. Не только эта книга не состоялась бы, но и моя профессиональная — и не только профессиональная — жизнь сложилась бы иначе, оказалась бы, убежден, беднее и хуже, если бы все прошедшие годы рядом и вместе со мной не была Алла Назимова, человек мудрый и самоотверженный, критик жесткий и справедливый того, что я писал и делал, друг неизменно самый близкий и верный.

ПРОЛОГ

У истоков российского конституционализма

История — это не учительница,
а надзирательница.
Она ничему не учит, но сурово наказывает
за незнание уроков.
В. Ключевский

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОЧИН

События, происходившие в Петербурге в начале 1881 г., можно уподобить движению двух составов наперерез друг другу. «Народная воля», ослабленная арестами своих активных участников во главе с Андреем Желябовым, собрала все оставшиеся силы, чтобы свести наконец счеты с императором, в коем она видела главное воплощение зла репрессивного государства. Покушение 1 марта было седьмым. При любом исходе оно обещало быть последним: силы, которые могли мобилизовать народовольцы, были на пределе, сыскные службы уже шли по следу главных заговорщиков, остававшихся на свободе.

А в Зимнем дворце наготове была реформа, призванная увенчать преобразования 1860–1870-х годов. «Исполнить» — начертал царь 17 февраля на проекте, одобренном днем раньше на совещании ряда высших сановников государства. «Этою резолюцией юридически санкционировался новый строй, Россия получала нечто вроде представительства», — так оценил ее современник, князь Н.В. Голицын. Оставался лишь небольшой шаг, чтобы задел стал необратимым, — публикация документа в «Правительственном вестнике». И о том распорядился царь утром 1 марта перед роковым выездом в Манеж. Через несколько часов он был сражен народовольцами. Даже после взрыва первой бомбы царь остался невредим. Трагедии можно было бы избежать, если бы конвой, полицмейстер, охрана не растерялись, дозволив подой-

ти второму метальщику. Так выглядит детективная сторона истории, остановившей продвижение России к Конституции на четверть века.

Михаил Тариелович Лорис-Меликов, главный начальник Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, созданной в феврале 1880 г. (когда народовольческий террор приобрел угрожающий характер), а после ее роспуска министр внутренних дел и шеф жандармов, на короткое время занял ключевую позицию в правительстве империи. Он подготовил и представил проект политической реформы, призванной привлечь симпатии «благомыслящей части общества», с живым интересом наблюдавшей за схваткой горстки революционеров с государственной машиной. 28 января 1881 г. он подал императору всеподданнейший доклад, гласивший, что «призвание общества к участию в разработке необходимых для настоящего времени мероприятий есть именно то средство, какое и полезно, и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолою».

План действий, намеченный Лорис-Меликовым и одобренный царем, предполагал создание двух временных подготовительных комиссий — по административно-хозяйственным и финансовым вопросам, — составленных из правительственных чиновников «и приглашенных с высочайшего соизволения сведущих и благонадежных служащих и неслужащих лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью в той или другой отрасли государственного управления или народной жизни» (наподобие редакционных комиссий, готовивших крестьянскую реформу с 1858 г.). Комиссиям надлежало обобщить накопленные материалы и составить законопроекты «в тех пределах, как будет им указано высочайшею волею». Вслед за тем законопроекты должны были поступить в Общую комиссию, составленную из председателей и членов подготовительных комиссий (по ходу продвижения проекта появилось уточнение: не всех, а назначенных «по высочайшему повелению» членов этих комиссий), а также — к тому, собственно, и сводилась новизна плана Лорис-Меликова — из лиц, избранных земскими губернскими собраниями и городскими думами главнейших городов — по одному или по два человека. Иными словами, была спроектирована надстройка над земскими и городскими выборными учреждениями, лишь частично составленная из их представителей. Было оговорено также, что заниматься Общая комиссия будет «пред-

метами, представленными ей рассмотрению», а состав «каждый раз преуказываем высочайшею волею»; крайний срок для занятий комиссии — не более двух месяцев. И это не все: законопроекты, одобренные или исправленные Общей комиссией, должны направляться с заключением соответствующего министра в Государственный совет (назначаемый императором и не обладающий правом законодательной инициативы)¹.

Проект с легкой руки его первых публикаторов получил название Конституции Лорис-Меликова, хотя его создатель, отдававший себе отчет в том, какой прием ожидает его творение в консервативных кругах, счел необходимым оговорить: оно «не имеет ничего общего с западными конституционными формами»². Конечно, Общая комиссия, даже будь она учреждена, не парламент, а сам проект далеко еще не Конституция. Но если бы решение состоялось, в логике реформационного политического процесса то был бы робкий, ограниченный шаг к конституции и парламенту. История знает немало примеров, когда законодательные учреждения, созданные по монаршей воле, вступали в препирательства с исторической властью, а затем учреждали себя в качестве легитимного представителя нации. Исключительное значение имеет первый шаг. Далее идет перетягивание каната, случаются откаты, но возникает альтернативный центр, шаг за шагом утверждающий себя в глазах общества. До появления прообраза такого центра в России в 1881 г. действительно оставался один шаг. В самодержавной стране, при неустойчивом равновесии сил в верхней страте — там, где принимаются главные политические решения, — на исторической развилке последнее слово за императором.

Так уже было в преддверии Великих реформ. Класс крепостников противился переменам изо всех сил. Угроза новой пугачевщины, которая могла бы его просветить, не воспринималась как нечто реальное. Либеральное дворянство составляло меньшинство. Авторы и читатели передовых журналов политическую

---

¹ См.: Былое : Журнал, посвященный истории освободительного движения. 1918. № 4–5. С. 125–177. Впервые документы, представлявшие М. Лорис-Меликовым императору, с сопроводительными материалами были опубликованы в брошюре «Конституция Лорис-Меликова» в Лондоне в начале 1890-х годов, а в 1904 г. — П. Струве в журнале «Освобождение» (издавался за границей). Часть документов, относящихся к проекту М. Лорис-Меликова, воспроизведена в сб. «Конституционные проекты в России. XVIII — начало XX в.». М., 2000. С. 628–663.

² Былое. 1918. № 4–5. С. 165.

силу собой не представляли. Отмена крепостного права была поставлена в порядок дня, когда за дело взялся Александр II: без активного участия царя не было бы никакой реформы. Была создана инфраструктура выборных органов в губерниях и городах, пусть и на сословной основе. Чтобы склониться к продолжению реформ, вступлению на путь, в конце которого маячили конституция и парламент, инородные основам самодержавия, царю-реформатору понадобилось почти два десятка лет. Не помышляя о том, народovolьцы выбили главное звено, сломали пружину поставленного было на взвод механизма политической реформы. Соотношение сил в верхах круто изменилось, и косная властная система немедленно отыграла реформаторские намерения императора назад. Это произошло на совещании высших сановников империи, состоявшемся 8 марта, когда тело убитого императора еще ждало погребения в Петропавловском соборе.

Нужды нет, что Лорис-Меликов, председатель правительства П.А. Валуев, великий князь Константин Николаевич, министры Александра II, кто осторожно, а кто с горячностью защищали проект. Что за него высказались девять участников совещания, а против — шесть. Тон теперь задавал обер-прокурор Синода Константин Победоносцев, «всероссийский мракобес». В его аргументацию, которой внимал престолонаследник, стоит вслушаться, ибо в концентрированном виде она содержала все доводы, которые громоздили противники конституционных преобразований до и после их проведения. Мало того, говорил Победоносцев, что существуют уже земские и городские учреждения, суды, свобода печати — «говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих». Предложенный проект если еще и не вводит конституцию, то делает к ней первый шаг, ослабляет бесценное благо — связь между царем и народом, самодержавную власть: «Народ ждет от государя твердой властной руки, способной укрепить расшатанное внутреннее управление». Препятствовать надо подпадению народа под влияние интеллигенции, которая утратила связь с народной традицией. Это интеллигенции следует поучиться у народа — истинного хранителя традиционных добродетелей и добрых качеств. Крестьянам дана свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, и стали они «несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков». Учреждение «по иноземному образцу новой

верховой говорильни» заставляет нас сказать: «Finis Russiae!» Стоит ли дивиться, что государь, взошедший на престол, поныне любимый герой поклонников армии, флота и имперского величия России, напишет на докладе Лорис-Меликова: «Слава Богу, этот преступный и спешный шаг к конституции не был сделан»¹. Будут проходить годы, меняться декорации и действующие лица, но охранительные идеологемы Победоносцева вновь и вновь, как карты из колоды, станут вытаскивать на свет его эпигоны.

Так был ли упущен шанс двинуться по пути к конституции в мартовские дни 1881 года? Вероятно, да, если учесть, что в истории России случилось немало событий эпохальных, хотя и не predetermined неотвратимо. И все же шанс был очень слабым. За проектом Лорис-Меликова стояли лишь благосклонное согласие, к которому после долгих колебаний пришел император, воля нескольких назначенных им министров и сочувствие тонкого слоя либералов. К поиску неорганичного для самодержавия решения, которое, как надеялся Лорис-Меликов, «скрепит благотворную связь между правительством и лучшими силами общества», подвинул народовольческий террор. На какое-то время он приоткрыл дверь к конституционной реформе. Но сами герои «Народной воли», да и их последователи, не верили ни царю с его правительством («Александр II не даст конституции, ее только можно вырвать у него», — писал Н. Михайловский), ни «либеральной партии с ее капиталистической подкладкой, с ее компромиссами», в которой они видели «если не болезненный нарост, то отживающую историческую категорию»². Они не придавали серьезного значения царской конституционной реформе. «После 1866 года нужно было быть слепым или лицемером, чтобы верить еще в возможность каких-нибудь улучшений иными путями помимо насильственных», — писал С. Степняк-Кравчинский, летописец «Народной воли»³. Они переоценили собственные

¹ Былое. 1906. № 1. С. 189–194; 1918. № 4–5. С. 162, 187–193; Белокопский И. Земство и конституция. М., 1910. С. 21–26; Леонтович В. История либерализма в России: 1762–1914. М., 1995. С. 321–326; Зельдич Ю. Петр Александрович Валуев и его время. М., 2006. С. 445–463.

² Литература партии Народной воли: Третье приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). СПб. Вып. 1. С. 61; Вып. 2. С. 166.

³ Степняк-Кравчинский С. Подпольная Россия // Сочинения. М., 1958. Т. 1. С. 376. Позднее, правда, автор должен был признать: «В Общей комиссии заключался зародыш états généraux» (с. 535).

силы и близость революции. После убийства Александра II они предъявили новому царю — «во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию» — ультимативное требование: «Созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями»¹. Так мог говорить победитель. Но 1 марта «Народная воля» подошла не к победе, а к разгрому. Никто, конечно, не мог в точности расчислить, до какого предела страх перед продолжением террора будет подталкивать к реформам и насколько устойчива организация, способная поддерживать страх. Но довольно скоро выяснилось, что, убив царя-реформатора, революционеры изменили соотношение сил в верхах, перешли черту, за которой с либеральными проектами было покончено. Конституция вернется в повестку дня российской политики в другое историческое время.

Уложенные комиссии и проект Сперанского

В 1881 г. Россия к созданию представительного органа «подошла вплотную и остановилась перед», как повторялось не так давно по другому поводу. Но проект Лорис-Меликова не был первым в ее истории. Правда, движение к парламенту и конституции не было органичным. «У нас для конституции и парламента, — замечает академик Ю. Пивоваров, — неудачное прошлое». Проекты ограничения верховной власти и существующего в параллель с нею, пусть сословного и узкого, представительства появлялись в России давно, но укоренившаяся здесь система власти их решительно отторгала. Отличительные черты русской системы власти — неразделенность власти и собственности и отсутствие балансирующих сил (например, независимой от государства церкви). «Все цари-императоры были папой и Лютером в одном лице»². Какие бы то ни было конституции, огораживающие для индивида, группы, сообщества людей поле свободы

---

¹ Письмо Исполнительного комитета к Александру III. 10 марта 1881 г. // Приложение к сборникам «Государственные преступления в России». Вып. 2. С. 306–307.

² Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М., 2004. С. 63–70; Русский конституционализм от Сперанского до Ельцина // Независимая газета. 2006. 6 июня.

и независимости от власти, в этой системе излишни: правителям они не нужны, а в обществе, прикосновенном к политике, неизменно берут верх те, кто ограничению власти монарха предпочитают «САМОДЕРЖАВСТВО таково, каково Ваши славные и достохвальные предки имели»¹. Аналог английской Великой хартии вольностей не состоялся в России даже с опозданием в полтысячи лет. При таких обстоятельствах проекты наиболее значимых реформ, тем более затрагивавших прерогативы верховной власти, были либо продиктованы самими правителями, либо изготовлены приближенными с их соизволения или по их же прямому предписанию. Но, поручая доверенным лицам подготовить проект какого-либо закона или уложения, цари (царицы) не связывали себя никакими обязательствами.

Такова была участь первой Комиссии о сочинении Уложения, учрежденной Елизаветой Петровной в 1754 г. и не оставившей следа в законодательстве, и представленного императрице плана графа П.И. Шувалова, который, по словам В. Ключевского, «лучше многих сознавал вред от “неспособных правителей”». «Дворянский мандаринат Шувалова восстанавливал старый московский сословно-бюрократический тип управления, создавал из дворянства неистощимый рассадник чиновничества и прибавлял новое должностное кормление сословия к прежнему поземельному» — так, по мнению историка, пробивалось «начало *дворяновластия*»².

Более серьезное продолжение (отчасти развитие, отчасти отрицание) эти подходы нашли в Уложенной комиссии Екатерины II в 1767–1768 гг. Работа этой комиссии стала самым заметным событием в предконституционной истории России в XVIII веке. Это собрание включило как представителей правительственных учреждений, так и депутатов, избранных из различных сословий — от дворян и купцов до государственных черносошных крестьян и оседлых инородцев. И по своему составу, и по поставлен-

---

¹ «Кондиции» верховников, которые, дав слабину, подписала было императрица Анна Иоанновна («У шляхетства живота и имения и чести без суда не отнимать», «в придворные чины как русских, так и иноземцев без совету Верховного Тайного Совету не производить» и т.д.), гвардейские офицеры решительно отвергли: «...а присланные Вашему Императорскому Величеству от Верховного Совета и подписанные Вашего Величества рукою уничтожить» (Конституционные проекты в России: XVIII — начало XX в. М., 2000. С. 181–183).

² Ключевский В. Сочинения. М., 1958. Т. 4. С. 337.

ной задаче — составлению нового Уложения оно представляло собой некий прообраз законосовещательной конституционной комиссии — разумеется, в реалиях и понятиях XVIII века.

Двоякого рода источники были положены в основу работы комиссии. С одной стороны — Наказ Екатерины II, в котором отразились ее представление об идеальном государственном устройстве, навеянное идеями просветителей (тексты Монтескье, Беккариа и других большими фрагментами она переносила в собственное творение), ее уверенность, что «Россия по положению своему есть европейская держава», ее недовольство «страшной картиной запустения страны от хронической болезни и худого правления» и в то же время — ее глубокое убеждение в том, что Россия по своему географическому протяжению должна иметь самодержавный образ правления. Облик такой власти, утверждает Ключевский, — *«лично-конституционный абсолютизм»*, а «удачная личность монарха могла сойти за правовую гарантию». С другой стороны — многочисленные наказания, которыми избиратели сопровождали своих депутатов, изложив в них собственные «общественные нужды и отягощения». В обсуждениях, которые протекали в комиссии, столкнулись взаимоисключающие подходы разных сословий. Ведь законов о правах в России не было, сословия получали льготы, соотнесенные с «тяглом». Но в льготах дворян, освобожденных от службы государевой, теперь усматривали привилегию, на которую претендовали и иные сословия: «На крепостное право смотрели не как на правовой вопрос, а как на добычу, в которой, как в пойманном медведе, все классы общества: и купечество, и приказно-служащие, и казаки, и даже черносошные крестьяне — спешили урвать свою долю».

В так и не завершившихся дебатах на Уложенной комиссии отчетливо проявилась неготовность к воспроизведению конституционного строя на русской почве не только у государыни, но и у общества, довольно широкий срез которого был представлен в комиссии. Совместить глубокие политические идеи европейского Просвещения, «неразобранную кучу разновременных русских законов, лишенных общей мысли» и сталкивавшиеся интересы и претензии сословий цензовой, так сказать, России оказалось невозможным. Даже доступ к чтению Наказа императрицы, не говоря уж о воспроизведении его текста, был жест-

ко ограничен¹. Спрос на права был заявлен, но переступить через крепостное право никто из «протоконституционалистов» XVIII века оказался неспособен. Комиссию распустили, и занятия, которые могли бы вылиться в некий предконституционный проект, были отставлены, как то не раз бывало и будет в России, и заменены делом, для самодержавия более привычным — приготовлениями к войне.

У ранних истоков российского конституционализма — Конституция Михаила Сперанского. Чем она была вызвана? Осознанием некоего исторического веления молодым монархом, получившим неплохое образование и еще не ставшим «кочующим деспотом» из «Нозля» Пушкина? Или капризом, преходящим увлечением властителя, вознамерившегося перенести на национальную почву смелые идеи века? Впал ли Сперанский в немилость, испугав патрона радикализмом представленного проекта? Все это могло быть так или иначе, но его записка «Введение к уложению государственных законов», поданная Александру I в 1809 г., — вершина реформаторских проектов недолгого фаворита императора — опередила российское историческое время и стала, как оценил это произведение Ю. Пивоваров, «Конституционной Константой России XIX–XX вв.», а ее автор — «отцом-основателем всей современной политико-правовой традиции»².

Сперанский подошел к идее правового государства — разумеется, в понятиях и на языке своего времени. Социальная структура народа российского в его проекте представлена тремя классами: дворянство, люди среднего состояния (купцы, ремесленники, поселяне, имеющие недвижимую собственность), народ рабочий. Различия между ними — в объеме и характере прав, которыми они наделены. Только дворянство пользуется всеми правами: гражданскими, общими (никто не может быть наказан без суда и т.п.) и особенными («приобретать недвижимую собственность населенную» и др.), а также политическими, которые проистекают исключительно из владения собственностью. Среднее состояние

¹ См.: Ключевский В. Сочинения. Т. 5. С. 72–111.

² Там же. С. 348–410; Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. С. 82–86. Говоря о Конституционной Константе, заданной Сперанским, Пивоваров справедливо замечает, что пора «прекратить безграмотно-бессмысленные заявления о том, что Конституция-93 сделана под г-на Ельцина, а за образец взяты французские [или американские. — В. Ш.] порядки» (с. 84).

имеет гражданские общие права, но не имеет особенных. Зато, владея собственностью, оно может заполучить политические права. За народом рабочим — общие гражданские права. Переход из нижестоящего состояния на верхнюю ступень открыт для тех, кто исполнил службу или повинности, по прежнему званию или состоянию на них возложенные («переход всем отверзт»). Каналы вертикальной мобильности, выражаясь современным языком, следовательно, для отдельных лиц не перекрыты. Что до людей крепостного состояния, то некогда они имели некоторую степень гражданских прав, отмечает Сперанский, а «быв укреплены к земле, потеряли как личную, так и вещественную свободу». Нет, однако, причин, чтобы в России рабство «не могло уничтожиться, есть ли приняты будут к тому действительные меры». Но чтобы быть действительными, они должны быть постепенными. Так решается в проекте Сперанского *центральная социально-экономическая проблема его времени — крепостного права*.

Государство и подданные, свобода и самовластие, законы гражданские и гарантии их исполнения — проблемы, которые Сперанский пытается решить в своем проекте. Гражданские законы сами по себе спасения не несут. К чему они, «когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия?» Попытки изменить положение уже предпринимались при государынях XVIII века, однако деяния эти были несвоевременны и потому «неудачный сей опыт охладил... помышления о внутренних политических преобразованиях». Так было в прошлом. Но ныне можно «с достоверностью заключить, что настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и что настало время переменить ее и основать новый вещей порядок».

Как должен быть выстроен этот порядок? Опирается он должен на «государственное уложение» — «законы органические, коренные» (так Сперанский именует Конституцию, хотя самого этого слова избегает — у него в глазах русских монархов недобрая слава). Политические свободы требуют гарантий, и таковые видятся мыслителю в виде государственного устройства, основанного на разделении властей. В нем гарантия от произвола как исполнительной, так и законодательной власти. Соответственно и выстраивает Сперанский государственное устройство.

Каждая из ветвей власти распределена по четырем уровням. Две из них, законодательная и судебная, выстраиваются снизу вверх: волость, округ, губерния, империя. Законодательная власть

начинается с волостной думы, которую раз в три года избирают владельцы недвижимой собственности. (Правило это, подчеркивает автор записки, следует соблюдать, иначе неимущие, наименее зрелые элементы приобретут наибольшее влияние на законодательный процесс.) Она направляет своих представителей в окружные думы и так далее — вплоть до Государственной думы. Отметим: общегосударственный выборный представительный орган был заложен уже в проекте Сперанского. «Законодательное сословие, — настаивает он, — должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной [т.е. царской, императорской. — *В. Ш.*] власти, но чтоб мнения его были свободны и выражали бы собой мнение народное». Аналогично организована судебная власть: от волостного суда до Сената, «верховного судилища для всей империи». Институты исполнительной власти расставлены в обратном порядке: от министерств до «нижних разделений, губернских и окружных управлений», которые «должны быть сколь можно более сообразны высшему». Увенчивает всю эту конструкцию Государственный совет, «в коем все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются и через него восходят к державной власти и от нее изливаются».

Время для перехода к конституционному строю пришло, настаивает Сперанский, «образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления», «частные исправления» невозможны. Все дело в том, чтобы перемены пришли не вследствие «воспаления страстей, а благодаря благодетельному вдохновению верховной власти». Могло ли такое вдохновение снизойти на Александра I? Могло ли в начале XIX века из плана Сперанского в государственное устройство России войти нечто большее, чем высшее законосоветательное учреждение, Государственный совет, учрежденный-таки в 1810 г. и сыгравший известную роль в привыкании российской монархии и бюрократии к «новому вещей порядку»? Исключать этого не следует. Ведь приходившие из Европы идеи Просвещения к тому времени в империи все-таки распространялись и либеральное сознание в среде высших сословий постепенно созревало. Если бы царь тогда даровал Конституцию, история России пошла бы по иному пути. Вместо этого он тут же отставил Сперанского: давление общественного мнения, «когда разум начинает распознавать цену свободы», «глухое, но сильное желание другого вещей порядка» этот обласканный на миг престолом «свободы сеятель пустынь»

ный», как видно, переоценил — царь находился в силовом поле разных, в том числе абсолютистских, традиционалистских, влияний, довольно вспомнить могучую фигуру Н.М. Карамзина.

Но и то сказать: ведь дал Александр I в 1815 г. Конституцию Польскому королевству. А выступая в 1818 г. в варшавском Сейме, пообещал распространить «законосвободные» учреждения на все находящиеся под его попечительством страны и годом позже поручил другому своему приближенному, Н.Н. Новосильцеву, подготовить проект политической реформы. В нем были повторены многие идеи Сперанского, в частности учреждение двухпалатного государственного Сейма (Думы), «содействующего» законодательной власти государя¹. Но и это конституционное увлечение императора оказалось скоропреходящим. Ведь Польша не Россия с ее историей, вековой спаянностью самодержавия с сословным и крепостным строем. «Конституционные похоти Александра I» В.Ключевский саркастически уподобил «игре старых бар в свободную любовь со своими крепостными девками»². И то, что отмена крепостного права задержалась по меньшей мере на полвека, а переход к конституционной монархии — на целый век, в немалой мере связано было с ролью России в концерте европейских держав, с победами русского оружия. Никакая Конституция в собственной стране, чьи армии пришли в Париж, лидеру Священного союза, по сути, была не нужна и даже противопоказана. Не зря Сперанского сменил Аракчеев.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ ДЕКАБРИСТОВ

Правда, последствия победы в войне 1812 года и европейского похода 1813—1814 гг. для конституционной истории России были неоднозначны. Они — у истоков декабризма. Наиболее продвинутая часть русского общества попыталась осуществить иной конституционный проект и ввести его иным, чем рассчитывал Сперанский (и изобретатели других, ориентированных на разумную волю самодержца проектов начала XIX века), путем — посредством военного переворота. К общему проекту декабристы подойти не успели, и к 14 декабря у них были два существенно

---

¹ См.: Государственная уставная грамота Российской империи (проект Н.Н. Новосильцева) : 1820 г. // Конституционные проекты в России. С. 411—453.

² Ключевский В. Афоризмы и мысли об истории. URL: tululu.org/read/515580/37

отличных друг от друга проекта конституционных преобразований в России — Никиты Муравьева и Павла Пестеля, Северного и Южного обществ¹.

Общим для обоих проектов был решительный разрыв с крепостным строем, ликвидация сословных институтов и членений общества, провозглашение свобод и равенства прав граждан, учреждение выборных законодательных органов в центре и губерниях. «Крепостное состояние и рабство отменяются. Разделение между благородными и простолюдинами не принимается, поелику оно — изображение гордости и высокомерия и противно Христианской вере, по которой все люди — братья...» — записывает Муравьев. «Обладать другими Людьми как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать Людей на подобие Вещей... есть дело постыдное, противное Человечеству, противное законам Естественным, противное святой Вере Христианской...». Все преимущества дворян, равно как и само дворянское звание, «должны непременно решительнейшим образом быть уничтожены», — утверждает Пестель. В этом оба декабристских проекта принципиально отличаются от сочинения Сперанского.

Особый интерес, однако, представляют различия между этими проектами. В советской историографии преимущественное внимание было привлечено к тому, насколько по-разному Муравьев и Пестель решают земельный вопрос. В исходном проекте Муравьева «земли помещиков остаются за ними» и более того — «поселяне, которые вздумают оставить свое селение» обязаны возместить помещику утраченный им доход². По Пестелю, крестьяне сразу переходят на общегражданское положение, не связаны обязательствами перед своими бывшими владельцами,

---

¹ Тексты конституционных проектов Н. Муравьева и П. Пестеля сохранились в нескольких вариантах и в незавершенном виде. Наш анализ опирается на варианты, опубликованные в: Конституционные проекты в России. С. 454—564. Реконструкция утраченных частей этих проектов на основе воспоминаний и показаний декабристов на следствии была осуществлена акад. М.В. Нечкиной. Она обобщила и откорректировала также результаты работы своих предшественников — исследователей декабризма. См.: Нечкина М. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 376—426; Т. 2. С. 58—88.

² В более поздних вариантах Конституции Муравьева вознаграждение за утраченный помещиком доход исчезнет, а крестьянам будут оставлены двор, скот, инвентарь и по две десятины земли. См.: Нечкина М. Движение декабристов. Т. 2. С. 60, 66.

обретают политические права и сверх того — получают часть помещичьей земли. «Права богатых урезаются острым ножом революционной конфискации имущества», — фиксирует Нечкина¹. Нас же здесь интересует другое. В проектах Муравьева и Пестеля в эмбриональном виде заложены *два принципиально различных подхода к преодолению самодержавного строя и организации конституционных институтов власти*. Впоследствии эти различия разведут два потока освободительного движения в России.

Пестель — убежденный республиканец. Муравьев — сторонник конституционной монархии, в которой император воплощает только исполнительную власть. Он назначает высших военачальников, но не имеет права ни начинать войну, ни заключать мир. Ограничены его земельные владения и денежные доходы и «выехать из границ не может». По сути, он лишь «верховный чиновник российского правительства»². Как и Сперанский, Муравьев выделяет три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Территория России в его проекте разделена на 14 «держав». В каждой из них законодательная власть представлена Законодательным собранием, две палаты которого выбираются гражданами на основе цензового избирательного права. Аналогичным образом избирается общегосударственное Народное вече из Верховной Думы и Палаты представителей народных. Исполнительная власть в каждой «державе» поручается правителю, его наместнику и совету. Правителей «держав» избирает Верховное народное вече из числа кандидатов, предложенных законодательными собраниями, и утверждает император. Как видно, формирование исполнительной власти в регионах

---

¹ Нечкина М. Движение декабристов. Т. 2. С. 79.

² Сопоставляя варианты Конституции Муравьева и различные документы декабристского движения, М.В. Нечкина приходит к заключению, что под давлением более радикальных сотоварищей лично Муравьев постепенно склонялся к республиканизму, поскольку вводить Конституцию придется «силою оружия» (Нечкина М. Движение декабристов. Т. 1. С. 393; Т. 2. С. 69). Такова же оценка другого видного исследования декабризма, Н.М. Дружинина: «Конституция Н. Муравьева была монархической с формально-правовой точки зрения, но республиканской по своему внутреннему содержанию. Идея наследственной монархии была внесена в республиканское построение не из принципиальных соображений, а из особых тактических расчетов» (Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев // Революционное движение в России в XIX в. : избр. труды. М., 1985. С. 180). Однако это не снимает существенных расхождений по главным вопросам государственного устройства в декабристском движении.

поставлено в зависимость от законодательной власти в центре. Императорская власть введена в рамки общими положениями первой главы: «Русский народ... не может быть принадлежностью никакого семейства»; «Источник верховной власти есть народ, которому принадлежит исключительное право делать основные постановления для самого себя». В управлении государством (т.е. в выборах) участвуют граждане. Принадлежность к ним оговорена рядом условий, в числе которых относительно высокий имущественный ценз, исключающий из политической жизни основную массу крестьянства¹.

Проект Никиты Муравьева, ведущего идеолога Северного общества, занимает особое место в истории русского конституционализма. В нем впервые, хотя и в незавершенном виде, была предложена модель цензовой парламентарной конституционной монархии с двухпалатным парламентом, наделенным законодательной властью, с передачей на областной уровень многих прерогатив центрального правительства, с самостоятельностью местного управления. Политическая децентрализация и разделение властей, утверждение основных свобод, перспектива раздела общинных земель и передача их в частную собственность — таковы главные отличительные черты либерального проекта. Идеи Муравьева не были приняты и многими декабристами, для которых они были недостаточно радикальны. На долгое время они выпали из исторического преобразования России, движения русской либеральной мысли. Многие придется открывать и формулировать заново.

Главное в Конституции Пестеля — переход от власти, которая «довольно уже доказала враждебные свои чувства противу Народа Русского», к идеальной модели, когда правительство избирает «лучшие средства для доставления в государстве Благоденствия всем и каждому». Путь Учредительного собрания не годится, ибо «начала представительного верховного порядка в России еще не существуют», — преобразование надлежит осуществить «Временному Верховному Правлению». Оно вводится на длительный срок: «Народы, возмечтавшие о возможности внезапных действий и отвергнувшие постепенность в ходе Государственного Преобразования, впали в ужаснейшие бедствия и вновь покорены игу Самовластия и Беззакония». «Русская правда», как

---

¹ Дорабатывая свой проект, Н. Муравьев понижал величину имущественного ценза. См.: Нечкина М. Движение декабристов. Т. 2. С. 63, 67, 68.

именует Пестель свой проект, — программа для правительства и «объявление Народу, от чего он освобожден будет и чего вновь ожидать может». Ожидать же он должен вовсе не либеральных порядков: разделение общества на повелевающих и повинующихся «происходит от природы человеческой, а следовательно, везде существует и существовать должно».

Все постановления революционной власти, предписанные в «Русской правде», «должны стремиться к Благоденствию Гражданского общества». Что до народа, то он «обязан сему введению не только не противиться, но на против того Временному Верховному Правлению всеми силами содействовать и неуместным нетерпением не вредить преуспеванию Народного Возрождения и Государственного преобразования». А «всякое Действие, сему Благоденствию противное или ему вредящее, признаваемо быть должно преступлением». Противиться, конечно, будет царствующая династия, а потому под корень должен быть уничтожен не только институт самодержавия, но и в самом начале переворота «изведен» весь царствующий дом. К цареубийству склонялись не только южане, разделявшие идеи Пестеля, но и многие члены Северного общества, коим предложенное Муравьевым изгнание императорской фамилии представлялось, как мы бы теперь сказали, проявлением «абстрактного гуманизма». Расправу именно в том виде, в каком ее через неполных 100 лет по предписанию большевистских вождей осуществят люмпены в Екатеринбурге, аристократы мыслили произвести силами «обреченной гвардии» цареубийц, «вне общества находящихся», но возглавляемых членом тайного общества¹.

Примечательны различия в проектах Муравьева и Пестеля по отношению к политическим правам граждан. У Муравьева — «невозбранная» свобода печати; возможное изъятие «вредных книг» подлежит рассмотрению в суде присяжных. У Пестеля — проповедование взглядов, «противных законам и правилам чистой нравственности... должно совершенно быть запрещено», равно как и «действия иноверных законов», какие «противны духу законов христианских». Частным лицам запрещено создавать учебные заведения. Муравьев допускает свободу «обществ и товариществ», лишь бы их деятельность не выходила за рамки закона. Пестель такую возможность категорически отмечает: открытые

---

¹ См.: Нечкина М. Движение декабристов. Т. 1. С. 399–400, 424; Т. 2. С. 67, 80.

общества бесполезны, а тайные вредны. Общий посыл автора «Русской правды»: «Благоденствие общественное должно считаться важнее благоденствия частного, и ежели оные находятся в противуборстве, то первое должно получать перевес». Так что принципиальный подход к организации государственной власти на длительном этапе преобразований вырисовывается отчетливо. Путь к всеобщему благу прокладывает верховная власть, а все очаги общественного активизма, не говоря уж об оппозиции, решительно подавлены.

Под стать замыслу переворота в «Русской правде» Пестеля спланировано и национально-государственное устройство. Россия — государство единое и неразделимое. Свобода отделения признается за одной лишь Польшей, но при этом восстановление Польского государства должно произойти «не чрез собственное отторжение Польши от России, но чрез Правильную сдачу Российским Временным Верховным Правлением губерний, пред назначенных к отделению». Границы между Польшей и Россией, начертанию которых Польша никоим образом не должна «прекословить», надлежит определить российскому правительству. Власть в Польше должна быть устроена по образу России. Россия берет Польшу под покровительство и заключает с нею военный союз. За «благодеяние, Россиюю Польше оказываемое» Польша всегда будет питать чувства дружбы и преданности и т.д. Что же до всех иных племен, то они «должны быть слиты в один народ», их различные имена — «уничтожены и везде в общее название Русских во едино слиты». Господствовать на всем пространстве Российского государства должен лишь русский язык. Все обретающиеся в стране племена «совершенно обрусуют и тем содействовать будут к возведению России на высшую ступень Благоденствия, Величия и Могущества». «Буйные Кавказские народы следует переселить внутрь страны, а все отнятые у них земли отдать русским поселенцам (как мы знаем, разнообразные продолжатели, не ведая об идеях Пестеля, в этой части действовали в удивительном соответствии с его начертаниями).

«Русская правда» предоставляла гражданам (включая крестьянское большинство) определенный набор прав, отменяла сословные привилегии, как и само звание дворянства, устанавливала равенство прав всех граждан перед законом, ограничивала или даже уничтожала «Аристокрацию богатств, гораздо вреднейшую Аристокрации феодальной»... Эти положения Конституции Пестеля, ее более отчетливо выраженный, чем у северян, анти-

крепостнический пафос, эгалитаризм и радикализм побуждали многих исследователей ставить ее выше проекта Муравьева и почитать высшим достижением декабристского конституционализма. В искренности Пестеля сомневаться не приходится. Он верил, что осуществление его планов послужит общему благу, и заплатил за это своей жизнью. Но за Пестелем придут другие люди, не менее решительные, чья испепеляющая ненависть к старому порядку с его неравенством и угнетением приведет их к принципиальной переоценке ценностей, к вере во всеисцеляющие возможности диктатуры. Юрий Пивоваров, возможно, несколько упрощает различия между конституционными проектами Пестеля и Муравьева: «...с одной стороны, рабство с гарантиями, с другой – свобода без гарантий». «Русская правда» не содержала гарантий, что взявшая власть хунта осуществит благотворные преобразования, а Конституция Муравьева не обещала свободу для всех. Но Пивоваров справедливо отмечает, что в зародыше здесь «две тенденции русской мысли, идущие от декабризма... два главных социальных проекта Русской Революции»¹. Идеям диктатуры, деспотизма во благо, всеобщего поравнения и жесткого государственного централизма уготована была большая и зловещая роль в нашей истории.

Декабристы потерпели поражение. Их замыслы не только не были осуществлены, но и на длительный срок были преданы забвению. Как сложилась бы судьба конституционных проектов декабристов, если бы военный переворот состоялся? Ведь их вооруженное выступление 14 декабря не было заведомо обречено. Смогли ли бы они, составляя ничтожное меньшинство общества, но располагая не столь уж малым числом сочувствующих в дворянской среде и государственно-бюрократических кругах, удержаться у власти? Этим вопросом задаются известные историки И. Пантин, Е. Плимак и В. Хорос. А если бы смогли, какой из конституционных проектов сумели бы они начать и до какой точки довести в отставшей стране? Какие жестокие выбросы дала бы диктатура, будь она установлена, и какие могли бы последовать откаты вслед за возможными достижениями декабризма?

Н. Эйдельман набрасывает завлекательную фантазмагорию, якобы свершившуюся в январе – марте 1826 г. Как декабристы даже после поражения их друзей на Сенатской площади под-

---

¹ Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. С. 88.

нимают корпуса на Юге, берут Киев, зажигают Польшу, идут на Москву, провозглашают свободы и освобождение крестьян с землей... Как Николай Романов и вся династия покидают Россию... Как в среде победителей с новой силой вспыхивают споры о Конституции и Временном правлении, о немедленных выборах или диктатуре армии... Как Временное правление под напором армии провозглашает республику... Почему нет? Ведь взял Наполеон с сотней солдат всю Францию и прошел Риго с тремя сотнями Испании! «Все будет – и кровь, и радость, и свобода, и террор, и то, чего ожидали, а затем то, чего совсем не ждали. Но что бы ни случилось, происходит нечто необратимое...». «Не было. Могло быть», – завершает наш исторический писатель перебивку в повествовании о свершившихся событиях.

Размышления об этом, проигрывание несостоявшихся вариантов мне не кажется лишь игрой ума. «Даже если бы декабристские проекты, потеряв свой первоначальный радикализм в “околодекабристской среде”, осуществились бы на две трети, наполовину, на одну треть – все равно это означало бы громадный сдвиг, гигантский толчок в развитии России»¹. Здесь – эвристическая проблема.

Развитие пошло не по единственно возможному, жестко детерминированному пути, но по наиболее вероятному в исторических условиях России начала XIX века варианту. Конституционный прорыв не удалось осуществить ни сверху, ни снизу.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

В пореформенные десятилетия в России изменилось очень многое. В экономике (современный исследователь утверждает, что тогда в стране свершилось «настоящее экономическое чудо»), в социальном и культурном строе, в представлениях людей. Экономический рост имел материальную отдачу во всех слоях населе-

---

¹ Пантин И., Плимак Е., Хорос В. Революционная традиция в России. М., 1986. С. 111–117. См. также: Эйдельман Н. Апостол Сергей : Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле. М., 1975. С. 255–264. Аналогичные соображения высказывает И. Долуцкий: «Реализация любого декабристского проекта могла изменить общий ход и направление движения страны в целом, поломать многое в генетическом коде русской православной цивилизации» (Долуцкий И., Ворожейкина Т. Политические системы в России и СССР в XX веке. М., 2008. Т. 1. С. 134–135).

ния¹. Реформы александровского царствования — несмотря на их скованность и неполноту, несмотря на последовавший за ними откат — меняли страну, ее политическую и правовую систему, открывали возможности, о которых прежде нельзя было и мечтать. В исторической памяти запечатлелась прежде всего крестьянская реформа. Отмена рабства того заслуживает. Но не менее глубокие последствия влекли за собой другие реформы.

Часть полномочий государственных учреждений в соответствии с земской (1864 г.) и городской (1870 г.) реформами была передана всесословным органам самоуправления, избираемым на цензовой основе, — земским (вплоть до губернского уровня) и городским собраниям и думам. Новый цензурный устав (1865 г.) существенно расширил возможности прессы и книгопечатания и тем самым — горизонты публичного пространства. В 1863 г. автономию получили университеты, в 1864 г. был установлен бессословный принцип приема в гимназии. В том же году была проведена наиболее последовательная из всех александровских реформ — судебная, отделившая суд от администрации и учредившая современную систему судопроизводства: независимый суд, состязательность процесса, публичность и гласность при рассмотрении дел, мировые суды, избираемые органами местного самоуправления, институт присяжных. (Судебная система, вышедшая из реформы 1864 г., опередила свое время. Отвечавшая передовым западным стандартам, она номинально сохранялась, но была инородным образованием и при царях, и при большевиках, и при президентах. Сменявшие друг друга власти приспособливали суд к своим нуждам, искажая и подрывая основания цивилизованной судебной системы.) Военные реформы, проводившиеся с конца 1850-х годов, упразднили аракчеевские военные поселения, рекрутскую систему комплектования

---

¹ См.: Миронов Б. По классическому сценарию: русская революция 1917 года в условиях экономического роста и повышения уровня жизни // Экономическая политика. 2012. № 1. С. 67. Согласно подсчетам автора, среднегодовые темпы экономического роста в 1861/70 — 1901/10 гг. составили 2,4% (с. 68). Приведа также расчеты о росте заработков рабочих и учителей, Б. Миронов отмечает, однако, что «все слои населения, и интеллигенция в наибольшей степени, постоянно хотели больше того, что возможно было реально иметь при имевшихся в то время экономических и финансовых ресурсах, низкой культуре населения, невысокой производительности труда» (Экономическая политика. 2012. № 2. С. 89). Для сравнения: реальный среднегодовой темп роста советской экономики в 1928—1985 гг., по расчету экономистов В. Селюнина и Г. Ханина, составил 3,2—3,4%. См.: Новый мир. 1987. № 2. С. 192.

и 25-летнюю службу в армии. Была введена всеобщая воинская повинность для мужского населения «без различия званий и состояний».

На смену средневековым порядкам и сословному строю шло классовое общество. В национальную жизнь входила общественность – объединения и институты, не являвшиеся частью государственной машины. Они перехватывали некоторые функции, прежде безраздельно (и, как правило, неудовлетворительно) исполнявшиеся государством, и формировали независимое общественное мнение, с которым официальная власть – чем дальше, тем больше – вынуждена была считаться. Значимой социальной силой становилось образованное общество – «писателей, журналистов, людей интеллигентного труда, общественных деятелей, “читающей публики”, которая интересовалась общественной жизнью, имела свое мнение и тем или иным способом его выражала»¹. То были ростки гражданского общества, пробивавшегося сквозь коросту сословных традиций и перегородок. В жизнь входили поколения людей, родившихся после отмены крепостного права и формировавшихся в значительно более свободной и открытой интеллектуальной атмосфере.

Для социально активных людей в предшествующую эпоху главным поприщем приложения сил была государственная служба, а источником познаний об окружающем мире, помимо личных наблюдений, – немногочисленные журналы и библиотеки, собранные в столичных особняках и дворянских усадьбах. Теперь возникала громадная по тем временам сфера общественной деятельности – земские и городские выборные органы. Земства прокладывали дороги, строили школы и больницы, заботились о «сырых и убогих», организовывали помощь жертвам массовых голодовок, им удалось наладить отличную службу статистики. «Вырабатывался новый тип общественника, – отмечает А. Кара-Мурза, – не просто радетеля о народе, а трудяги-земца... Степень общественного доверия к самоуправляющимся организациям и их выборным лидерам была на рубеже XIX–XX веков значительно выше, чем к институтам и персонам чиновной России... Страна узнала имена выдающихся “общественников”, чьи деловые качества были подкреплены безупречной нравственной

---

¹ Миронов Б. Социальная история России. СПб., 2000. Т. 2. С. 110.

репутацией...»¹. Заметное место в общественной жизни приобрели самодеятельные очаги научной и культурной мысли – Вольное экономическое, Юридическое общества и др.

Культурная история России пореформенных десятилетий и в начале XX века была отмечена деятельностью выдающихся издателей. Россия становилась грамотной страной², и расширившийся круг читателей получил доброкачественную и доступную по цене художественную, публицистическую и научную литературу. Книжное дело стало развиваться невиданными темпами: по количеству названий ежегодно выпускаемых книг Россия перед Первой мировой войной уступала только Германии. Люди, влюбленные в книгу, культуртрегеры, бунтари, народолюбцы Козьма Солдатенков, Флорентий Павленков, Иван Сытин, Петр Сойкин, Михаил и Сергей Сабашниковы, Александр и Игнатий Гранаты приобщили целые поколения русских людей к золотому фонду отечественной и мировой литературы³. Изданные ими книги после Октября стали библиографической редкостью, а издательские дома, гордость и слава России, после революции были раздавлены большевистским государством⁴.

ВЛАСТЬ, ЗЕМЦЫ И ТЕРРОРИСТЫ

В годы александровских реформ Россия вступала в новую фазу политического развития. До того занятия политикой были делом династии, верхушки государственной бюрократии и прикосновенных к ним лиц. Интерес к политике проявляла лишь часть привилегированного сословия. Политическая оппозиция была замкнута в немногочисленных кругах сначала дворянской, преимущественно военной, а затем также и разночинной ин-

---

¹ Независимая газета. 2007. 25 сент.

² Грамотных среди мужского взрослого населения было в 1850 г. 19%, в 1889 г. – 31%, в 1913 г. – 54%. См.: Миронов Б. Социальная история России. Т. 2. С. 383.

³ См.: Белов С., Толстяков А. Русские издатели конца XIX – начала XX века. М., 1976.

⁴ «В “социалистической” России, “самой свободной стране мира” Сытина посадили в тюрьму, предварительно разрушив его огромное, превосходно налаженное технически дело и разорив старика... сочли нужным наградить редкого работника за труд его жизни – тюрьмой», – писал Горький в 1918 г. См.: Горький М. Книга о русских людях. М., 2000. С. 524.